

УДК 339.9

ЭКОНОМИКА ЮАР ПОД ВЛИЯНИЕМ ТРЕНДОВ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Медведев М.Б.,

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва,
email: MBMedvedeva@fa.ru, EBStarodubtceva@fa.ru

Стародубцев Е.Б.,

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва,
email: MBMedvedeva@fa.ru, EBStarodubtceva@fa.ru

Аннотация. В статье раскрыты основные тенденции в экономическом развитии страны, являющейся членом объединения БРИКС, в постпандемийный период. Особое внимание уделено потенциальному эффекту от участия ЮАР в региональных торговых соглашениях (Соглашение об Африканской континентальной зоне свободной торговли, АКЗСТ – African Continental free trade area, ACFTA). Очевидно, что реальное функционирование этой зоны должно было бы положительно сказаться на экономическом развитии стран в нее входящих. Представляется, что более глубокая интеграция экономик африканских стран в мировое хозяйство имеет жизненно важное значение как для их выживания во время пандемии, так и для окончательного восстановления и роста. К тому же цифровизация экономики, ускоренная пандемией, становится фактором быстрого преодоления страной связанных с коронавирусом экономических потрясений.

Ключевые слова: ЮАР, ВВП, энергетика, торговля, цифровизация.

SOUTH AFRICA'S ECONOMY UNDER THE INFLUENCE OF GLOBAL ECONOMIC TRENDS

Medvedev M.B.,

Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow,
email: MBMedvedeva@fa.ru, EBStarodubtceva@fa.ru

Starodubtseva E.B.,

Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow,
email: MBMedvedeva@fa.ru, EBStarodubtceva@fa.ru

Abstract. The article reveals the main trends in the economic development of the country, which is a member of the BRICS association, in the post-pandemic period. Particular attention is paid to the potential effect of South Africa's participation in regional trade agreements (Agreement on the African Continental Free Trade Area, ACFTA – African Continental free trade area, ACFTA). It is obvious that the actual functioning of this zone would have a positive impact on the economic development of its member countries. It seems that deeper integration of African economies into the world economy is vital both for their survival during the pandemic and for the final recovery and growth. In addition, the digitalization of the economy, accelerated by the pandemic, is becoming a factor in the country's rapid overcoming of economic shocks associated with the coronavirus.

Keywords: South Africa, GDP, energy, trade, digitalization.

Пандемия COVID-19 существенно изменила мировую экономику в целом и, разумеется, мировую торговлю. Это положение касается не столько периода собственно пандемического кризиса, сколько постпандемического, когда большинство стран вынуждены направлять усилия на перезагрузку национальной промышленности и обеспечение жизненно важных и необходимых поставок внутри государства, что, как правило, создает предпосылки для усиления протекционистских тенденций во внешней торговле.

Что касается стран Африки, то здесь ситуация с пандемией складывалась следующим образом. Континент уже имел опыт международного сотрудничества в период вспышки лихорадки Эбола, и тогда многие руководители африканских государств оценили его важность с точки зрения спасения жизней и прекращения распространения эпидемий. Однако неоднозначная глобальная реакция на пандемию COVID-19 свидетельствует о том, что события недавних лет уже преданы забвению. Эта ситуация характерна, например, для многих стран Африки. Разумеется, проблемы коснулись в полной мере и экономики ЮАР. Помимо трудностей, связанных с преодолением негативных последствий эпидемии, страна столкнулась и с обострением продовольственной проблемы в связи с проведением Россией СВО.

Цель исследования

Цель данной статьи: анализ развития экономики ЮАР в постпандемийный период.

Результаты и их обсуждение

Южно-Африканская Республика (ЮАР) имеет высокоразвитую экономику и развитую инфраструктуру. Являясь одним из значимых в мире экспортеров золота, платины и других природных ресурсов, она также имеет развитые финансовые, юридические, коммуникационные, энергетические и транспортные сектора, а также крупнейшую фондовую биржу на континенте [1].

В начале марта 2021 года Статистическое управление ЮАР опубликовало отчет, согласно которому в 2020 году экономика страны пережила сильнейший спад за последние 100 лет. Основной причиной такого положения явились пандемийные ограничения, которые негативно сказались на промышленном производстве и торговле. Однако некоторые эксперты полагают, что экономика ЮАР переживала кризис еще до появления первых случаев инфекции. Если в 2019 году валовый внутренний продукт ЮАР вырос на 0,2%, то в 2020 году он сократился на 7%. Такой спад экономики в стране не наблюдался с 1920 года, но все же потери оказались меньше, чем предполагали члены Национального казначейства, планировавшие бюджет на год [2] (рис. 1).

Международный валютный фонд пересмотрел прогноз роста экономики ЮАР в сторону повышения. Ранее показатель роста в 2021 году ожидался в размере 2,8%, в то время как фактический показатель составил 3,1%, по итогам 2022 г. рост ВВП составил 2,3% с последующим замедлением до 1,4% в среднесрочной перспективе. По данным Oxford Economics, данный показатель в 2022 году не превысил 1,5%, а в 2023 г. – 1,8% [3]. Такая ситуация связана не в последнюю очередь с климатическими и энергетическими проблемами, которые возобновились в 2022 году.

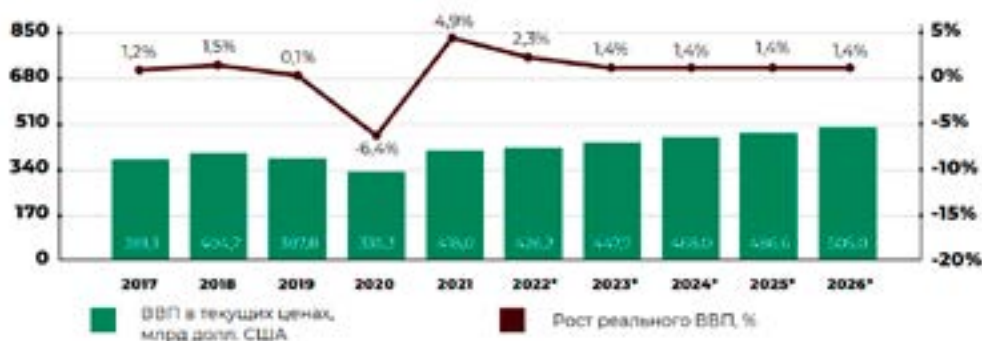

Рис. 1. Динамика ВВП ЮАР в текущих ценах, 2017–2026 гг.

Однако по мнению экспертов выход из кризиса открывает возможности для экономического развития. Чтобы их использовать правительству необходимо устранить глубокие структурные ограничения, препятствующие устойчивому восстановлению экономики. Стремление Южной Африки достичь углеродной нейтральности к середине века требует глубоких экономических преобразований, основанных на значительных «зеленых» инвестициях, которые, в свою очередь, поддерживаются благоприятной для бизнеса средой, рынком труда, облегчающим создание рабочих мест, а также улучшенным управлением и прозрачностью [4].

В 2010 году в ЮАР была принята программа интегрированных ресурсов (Integrated Resource Programme, IRP). Данная программа нацелена на рост производства электроэнергии в стране до 86,8 ГВт к 2030 году, в том числе не менее 24% от всей выработанной энергии должно быть получено из возобновляемых источников. Общая установленная мощность объектов возобновляемой энергетики в ЮАР составила 993 МВт в 2010 году и 6065 МВт в 2018 году. Инвестиции в возобновляемую энергетику в 2018 году в ЮАР выросли в 40 раз до 4,2 млрд долларов США. Основополагающий информационный документ по возобновляемой энергетике, который выпустил Департамент энергетики Южной Африки в 2003 году, ставил целью достижение уровня 10 ГВт установленных мощностей к 2013 году. По данным на январь 2015 года общая установленная мощность проектов ветряной и солнечной энергетики составила около 1,5 ГВт.

Экспоненциальный рост возобновляемой энергетики в стране начался с 2011 года, когда правительство начало реализовывать Программу поддержки независимых производителей возобновляемой энергии (REIPPP). Эта программа должна обеспечить устойчивое развитие страны в социальной, экономической и экологической сферах. Благодаря принятию этой программы появилась возможность привлечения внешних и внутренних инвесторов, местных подрядчиков, что крайне положительно сказалось на процессе создания новых рабочих мест в экономике.

Программа активно финансируется местными и внешними институтами развития и банками, например, одним из крупнейших южноафриканских банков Standard Bank, одним из четырех банков-гигантов Китая — Промышленным и коммерческим банком Китая (ICBC) и др. В соответствии с отчетом Департамента Энергетики ЮАР программа REIPPP вошла в десятку лучших в мире с точки зрения поддержки развития этого сектора. В ходе первой стадии программы было сооружено 28 объектов солнечной и ветряной энергетики общей мощностью 1416 МВт, на второй

стадии — 19 проектов мощностью 1044 МВт, на третьей — 17 объектов общей установленной мощностью 1365 МВт. Планируется, что рост производства электроэнергии в стране должен достичь уровня 86,8 ГВт к 2030 году. Эксперты ожидают, что около 24% электроэнергии должно быть получено из возобновляемых источников.

Развитие альтернативных традиционным источников энергии — одно из направлений устойчивого развития. Еще в мае 2010 г. в ЮАР проходил саммит по вопросам зеленой экономики, в ходе которого были отмечены приоритетные секторы и области для стимулирования зеленой экономики, характеризующейся низкими выбросами углерода, рациональным использованием ресурсов и высокой занятостью.

В ноябре 2011 г. правительство ЮАР представило проект Green Economy Accord, суть которого заключается в создании и укреплении партнерства между правительством ЮАР, бизнесом, профсоюзами и гражданским обществом. Проект Green Economy Accord — составная часть серии инициатив в рамках стратегии ЮАР «Новый путь роста». В частности, в рамках реализации этой стратегии предусмотрено удвоение объемов выработки чистой энергии в стране, поскольку существует высокая зависимость страны от угля для получения энергии, что увеличивает выбросы парниковых газов. Энергетический переход предполагает отказ от ископаемых видов топлива, что самым благоприятным образом скажется на состоянии окружающей среды, здоровья населения, приведет к созданию новых рабочих мест. О важности этой проблемы свидетельствует участие президента страны г-на Рамафосы в работе круглого стола, посвященного изменению климата и энергетическому переходу на возобновляемые источники энергии, цифровым технологиям и транспорту, который проходил в феврале 2022 года в рамках саммита Африка— Европейский Союз в Брюсселе [5].

Для иностранных инвесторов разработка возобновляемых источников энергии — также одно из перспективных направлений вложений [6]. Четыре города ЮАР — Йоханнесбург, Кейптаун, Дурбан и Претория — расширяют количество строящихся, так называемых, низкоуглеродных зданий, чтобы снизить негативное воздействие на климат. Города ставят перед собой задачу сделать здания более энергоэффективными в том числе за счет снижения выбросов CO₂ и, соответственно, оплаты электроэнергии. Адекватное ценообразование на выбросы углерода, достижения в области технологий и усиление конкуренции в энергетическом секторе создадут предпосылки для снижения затрат энергетических компаний и существенно облегчит переход страны к возобновляемым источникам энергии.

Правительство ЮАР заинтересовано в привлечении иностранных инвестиций в эту область, поскольку возможностей государственного бюджета для ее развития недостаточно, но в то же время предполагается, что иностранная поддержка потребуется только до того момента, когда технологическое развитие позволит добиться необходимого уровня конкурентоспособности.

Если рассматривать отраслевой аспект кризисного падения экономики, связанного с пандемией, то основной вклад в экономический спад внесло сельское хозяйство: 29,2% в годовом выражении. Сказались в том числе и проблемы с юридическим оформлением собственности на землю у белых фермеров: законодательные нормы, принятые правительством страны, породили коллизии, которые фермеры не смогли преодолеть и по этой причине прекратили свою деятельность. Эксперты в этой связи уже заявляют, что ЮАР может повторить судьбу Зимбабве. Производство и торговля также понесли потери — в пределах 2%. Едва ли не единственным сектором, который показал рост, стал добывающий: он вырос на 4,9%.

Направления экспорта и импорта товаров ЮАР в 2021 году [7]

	Доля в экспорте	Объем экспорта			Доля в импорте	Объем импорта
Китай	11,3%	13,8 млрд дол		Китай	20%	19,2 млрд дол
США	10,6%	12,9 млрд дол		Германия	8,16%	7,63 млрд дол
Германия	7,66%	9,38 млрд дол		США	7,04%	6,58 млрд дол
Япония	6,72%	8,24 млрд дол		Индия	5,71%	5,34 млрд дол
Великобритания	6,68%	8,18 млрд дол		Саудов- ская Ара- вия	4,38%	4,1 млрд дол
Прочие (скрытые партнеры)	6,15%	7,53 млрд дол		Таиланд	3,17%	2,97 млрд дол
Ботсвана	3,58%	4,39 млрд дол		Япония	2,78%	2,6 млрд дол
Мозамбик	3,54%	4,34 млрд дол		Италия	2,75%	2,57 млрд дол
Индия	3,49%	4,28 млрд дол		Нигерия	2,39%	2,24 млрд дол
Нидерланды	3,4%	4,17 млрд дол		Франция	2,1%	1,96 млрд дол

Одним из выходов в данной ситуации может быть в создании более благоприятных условий для внешней торговли, т.е. развитие как экспорта товаров, так и в большей степени импорта. Для этого есть определенные предпосылки, связанные как со структурой экспорта и наличием ведущих компаний-экспортеров, так и растущим спросом на продукцию внутри страны. Пятнадцать южноафриканских корпораций входят в рейтинг Forbes Global 2000, среди них крупнейшие южноафриканские компании-производители продукции и услуг, активно участвующие в международной торговле: Sasol (диверсифицированные химикаты), MTN Group (телекоммуникации), Steinhoff International (мебель), Насперс (телерадиовещание, кабели), Группа компаний «Bidvest» (промышленный конгломерат), Aspen Pharmacare Holdings (фармацевтические препараты), Remgro (промышленный конгломерат), что определило товарную структуру экспорта, который составил 122 млрд долларов в 2021 году. В то же время импорт товаров в ЮАР составил 93 млрд долларов в 2021 году. Основными партнерами в торговле выступают Китай, США, Германия, Япония. Индия (табл.1) При этом товарооборот с Россией едва превышает 1,1 млрд.долларов США.

Однако несмотря на серьезные отношения с указанными странами, ЮАР развивает отношения и с африканскими странами. Договором Абуджа в 2012 г. была утверждена Дорожная карта по образованию континентальной зоны свободной торговли в Африке к 2017 г. и План действий по содействию внутриафриканской торговле. В качестве переходного этапа было решено сформировать Трёхстороннюю зону свободной торговли – ТЗСТ (Tripartite free trade area, TFTA). План действий предусматривал подписание соглашения о ТФТА и ее создание к 2017 г.[8] Соглашение должно было вступить в силу в 2017 г., но этого не произошло, т.к. его ратифицировали только пять государств: Кения, Уганда, Египет, ЮАР и Руанда.

Соглашение об Африканской континентальной зоне свободной торговли, АКЗСТ (African Continental free trade area, ACFTA– АКЗСТ), было подписано в марте 2018 г. в Руанде и вступило в силу с 30 мая 2019 г. Очевидно, что реальное функционирование этой зоны должно было бы положительно сказаться на эконо-

мическом развитии стран, в нее входящих. Представляется, что более глубокая интеграция экономик африканских стран в мировое хозяйство имеет жизненно важное значение как для их выживания во время пандемии, так и для окончательного восстановления и роста. В этой связи Африка заинтересована в том, чтобы государства, в частности страны – члены Группы 20, соблюдали свои обязательства в рамках ВТО и не проводили протекционистскую политику.

В 2020 г., как и страны всего мира, государства – члены АКЗСТ вступили в фазу рецессии (рис. 2).

АКЗСТ года начала функционировать в полном объеме с 1 января 2021 года, образовав единое коммерческое пространство для более чем 50 стран, в которых проживают свыше 1 млрд человек. Реальный срок начала функционирования Зоны был перенесен на январь 2021 года из-за пандемии COVID-19. АКЗСТ стала крупнейшей зоной свободной торговли в мире по количеству государств-членов. Появление Зоны свидетельствует о том, что на африканском континенте процесс регионализации набирает обороты, а тенденция регионализации уже становится более ярко выраженной по сравнению с тенденцией глобализации экономики.

Предполагалось, что в 2021 году благодаря АКЗСТ торговый оборот между африканскими странами увеличится в полтора раза. Этому должны были способствовать такие факторы как более свободный доступ к капиталу, модернизация инфраструктуры, развитие ИКТ, совершенствование деятельности институтов торговли и таможи, а также более четкая координация структурной политики. Однако геополитическая обстановка, сложившаяся в мире в 2022 году, не позволила этим планам осуществиться.

Функционирование АКЗСТ должно было сказаться и на росте доходов населения стран-членов. Ниже приведены данные о потенциальном влиянии Зоны на уровень заработной платы в региональном разрезе (рис. 3).

Рис. 2. Влияние пандемии COVID-19 на темпы роста ВВП региона, %

Источник: Дробот Е.В., Макаров И.Н., Сапунцов А.Л. Распространение коронавируса в Африке: региональные паттерны и экономические последствия // Экономические отношения. – 2021. – № 1. – С. 13–38.

Рис. 3. Влияние АКЗСТ на заработную плату (изменение на процентный пункт в годовом исчислении по отношению к базовому уровню)

Источник: Jayaram K. et al. Finding Africa's Path: Shaping Bold Solutions to Save Lives and Livelihoods in the COVID-19 Crisis. – McKinsey & Company, 2020.

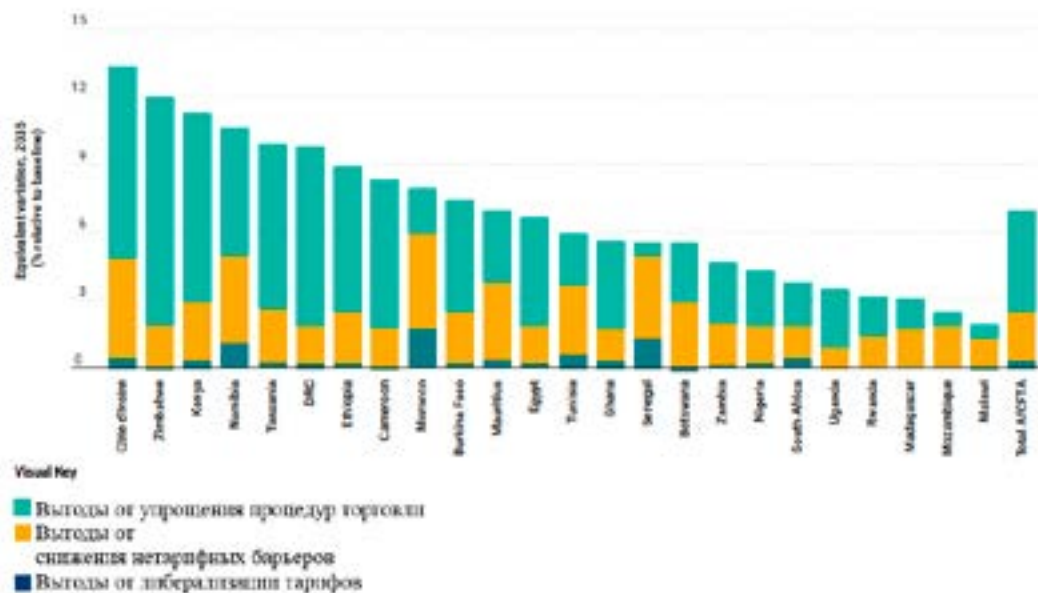

Рис. 4. Ожидаемый прирост реальных доходов от АКЗСТ

Источник: How COVID-19 is Affecting Firms in Ghana: Results from the Business Tracker Survey – Wave 2. // Accra: Ghana Statistical Service, 2020. – P.123

Так, прогноз Всемирного банка был следующим: рост заработной платы в Южной Африке будет выше для работников мужского пола, чем для работников из числа женщин. Напротив, в Центральной, Восточной, Северной и Западной Африке ожидается, что заработная плата работающих женщин будет выше. Эти выгоды будут зависеть не только от либерализации тарифов, выгоды от которой, как правило, невелики, но и от мер по упрощению процедур торговли и снижению нетарифных барьеров [9] (рис. 4).

Представители Африканского банка развития (АБР), выдвигая свои инициативы для экономического развития, подчёркивают их нацеленность как на «жёсткую», так и на «мягкую» инфраструктуру.

По данным ВТО, на сегодняшний день у африканских стран в совокупности действуют 52 соглашения о зоне свободной торговли, в том числе с такими объединениями, как Европейский Союз, Европейская ассоциация свободной торговли, МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки). По количеству действующих региональных торговых соглашений среди всех африканских стран лидируют Египет (9 соглашений), Марокко (8) и Тунис (7) [10].

Эксперты Африканского банка развития (АфБР) высказали предположение о том, что цифровизация экономики, ускоренная пандемией, поможет ЮАР быстро оправиться от связанных с коронавирусом экономических потрясений. Основанием для такого рода заявления служит тот факт, что регион Африки южнее Сахары (так называемая Sub-Saharan Africa) — глобальный лидер по распространенности мобильных финансовых сервисов. Из каждых десяти мобильных транзакций в мире семь приходятся на Африку. Только за один декабрь 2018 г. в этой группе стран было проведено 2,7 млрд денежных транзакций с помощью мобильного телефона — в полтора раза больше, чем переводов у Western Union во всем мире за весь 2018 год [11]. Вклад финтеха в ВВП стран Африки южнее Сахары за прошлый год оценивается в 8,6% — почти вдвое больше, чем вклад этого сектора в целом в глобальный ВВП.

С помощью мобильных телефонов в стране перемещаются не только деньги: развитая IT-инфраструктура становится основой для развития других, нетелекоммуникационных отраслей. Например, цифровая платформа Twiga объединила сельхозпроизводителей и продавцов, позволив сократить потери урожая фермеров с 30% до 4%, а аналогичный маркетплейс для фармпродукции также проверяет подлинность лекарств, исключая подделки.

Распространение сервиса M-Pesa, ставшего самым ярким примером глобальной финтех-революции, способствует сокращению бедности не только в Кении, где этот платежный сервис впервые был использован, но повышению совокупной факторной производительности и росту реальных доходов населения в других странах континента. Ко всему прочему — это еще и инструмент, обеспечивающий доступность финансовых услуг для населения, которое до этого не было ими охвачено.

Как и во многих других странах мира, локализация COVID-19 в ЮАР ускорила процесс платформизации экономики, что проявилось в интенсивном переходе в обслуживании населения на онлайн-платформы, вынудив государственных служащих стать более гибкими по отношению к цифровым технологиям. Такие секторы, как телекоммуникации и банковское дело, стали инвестировать в системы поддержания удаленной работы. По мнению специалистов АфБР, усилия по использованию цифровых технологий позволят повысить производительность и занятость, а это, в свою очередь, послужит инструментом, смягчающим кризис, вызванный пандемией, в таких отраслях как туризм, горнодобывающая промышленность. Ускоренная цифровизация в ЮАР в результате мер, противодействующих пандемии, способствует повышению производительности труда, а также капитала не только в частном, но и государственном секторе. По мнению специалистов АфБР, который активно финансирует инфраструктурные проекты в Африке, темпы экономического роста континента в 2022 году достигли 4% в 2022 году по сравнению с падением на 2,1% в 2020 году, что явилось следствием пандемии.

По мнению международных экспертов, перспективы экономического роста как в 2022 г., так и в последующие годы году во многом зависимы от «ускоренной цифровизации для повышения производительности» и доступа к вакцинам против COVID-19. Пакеты финансовых стимулов, развернутые такими странами, как ЮАР, также должны стимулировать дополнительный совокупный спрос, который может способствовать увеличению частных инвестиций и росту потребления. Однако АфБР подчеркивает, что любые перспективы роста в Африке подвержены «высокой неопределенности» из-за волн коронавирусной инфекции, потенциально требующих блокирования и карантина [12].

Согласно недавнему докладу Всемирного экономического форума о будущих изменениях на рынке труда, COVID-19 ускорил сокращение рабочих мест, вызванное технологическими изменениями четвертой промышленной революции.

Работодатели в ЮАР, участвовавшие в исследовании, отметили, что планируют выбрать следующие стратегии для своих компаний:

- ускорение автоматизации задач – 75%;
- предоставление больше возможностей для удаленной работы – 62,5%;
- ускорение цифровизации рабочих процессов (например, использование цифровых инструментов, видеосвязи) – 62,5%;
- ускорение текущих организационных преобразований (например, реструктуризация) – 37,5%;
- ускорение цифровизации повышения квалификации/переподготовки (например, использование образовательных технологий) – 37,5%.

Очевидно, что внедрение новых цифровых технологий, процесс цифровой трансформации – тенденции, которые отчетливо проявляются в экономике ЮАР, а это означает, что появляются возможности выхода на рынок для IT компаний, развивающих подобные решения [13].

Выводы

Распространение эпидемии COVID-19, как уже было отмечено выше, нанесло ощутимый ущерб экономике ЮАР. Правительство страны было подвергнуто жесткой критике за медленную реакцию в проведении всеобщей вакцинации, которую экономисты считают жизненно важной для обеспечения дальнейшего экономического роста. В 2020 году МВФ одобрил выделение 4,3 млрд долларов США в виде чрезвычайной финансовой помощи для поддержки южноафриканского правительства, так как страна наиболее сильно пострадала от последствий пандемии.

Несмотря на оптимистические ожидания, страны Африки, в том числе и ЮАР, рискуют оказаться главными проигравшими по итогам мирового коронавирусного кризиса. Экономике большинства африканских стран, в особенности ориентированных на экспорт сырья, подошли к этому кризису не в лучшем состоянии, а за последний год их «хронические болезни» лишь обострились. Главная из них – огромные долги перед международными кредиторами, вернуть которые практически невозможно. Теоретически у Африки остаются шансы на выход из ловушки отсталости, в которой «черный континент» пребывает уже больше полувека, если в нынешнем десятилетии глобальная экономика войдет в новый «сырьевой суперцикл». Однако накопленные диспропорции (помимо долговых проблем, это высокая безработица, стихийная урбанизация, нарастающие экологические проблемы, коррумпированность элит и т.д.) слишком велики, чтобы рассчитывать на устойчивое развитие.

Литература

1. Костин К.Б., Березовская А.А. Современные технологии цифровой экономики как драйвер роста мирового рынка товаров и услуг // Экономические отношения. 2019. № 2. С. 455-480.
2. Cilliers J. et al. Exploring the Impact of COVID-19 in Africa: A Scenario Analysis to 2030. Institute for Security Studies, Frederick S. Pardee Center for International Futures, Gordon Institute of Business Science, 2020. P. 56.
3. Обзор-ВЭД_Южно-Африканская-Республика. [Электронный ресурс]. URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/08/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80-%D0%92%D0%AD%D0%94_%D0%AE%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf?ysclid=lejzvigqit831583698 (дата обращения 25.09.2023).
4. Qu H. How South Africa can Advance Reforms to achieve its climate Goals. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/02/21/cf-how-south-africa-can-advance-reforms-to-achieve-its-climate-goals?utm_medium=email&utm_source=govdelivery (дата обращения 25.09.2023).
5. Правительство Южной Африки. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/speeches/president-cyril-ramaphosa-participates-6th-au-eu-summit-brussels17-18-feb-16-feb-2022-0000> (дата обращения 20.09.2023).
6. The KINGS of Africa's Digital Economy. [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/978-1-137-57878-5_3/fulltext.html (дата обращения 06.11.2023).
7. TrendEconomy. [Электронный ресурс]. URL: <https://trendeconomy.ru/> (дата обращения 06.11.2023).
8. Костюнина Г.М. Направления и результаты формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 4. С. 33-47.
9. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Сапунцов А.Л. Трансформация отраслевой структуры инновационного бизнеса в Африке и вызовы пандемии коронавируса // Вопросы инновационной экономики. 2021. № 1. С. 351-378.
10. Steckel J.C., Hilaire J., Jakob M., Edenhofer O. Coal and carbonization in sub-Saharan Africa // Nature Climate Change. 2020. № 10 (1). P. 83-88.
11. Dorband I.I., Jakob M., Kalkhul M., Steckel J.C. Poverty and distributional effects of carbon pricing in low- and middle-income countries – a global comparative analysis // World Development. 2018. Vol. 115. P. 246-257.
12. Hepburn C., O'Callaghan B., Stern N., Stiglitz J., Zenghelis D. Will COVID-19 fiscal recovery packages accelerate or retard progress on climate change? Oxford: Oxford Smith School of Enterprise and the Environment. Working Paper No. 20-02.
13. Jayaram K. et al. Finding Africa's Path: Shaping Bold Solutions to Save Lives and Livelihoods in the COVID-19 Crisis. N.Y., McKinsey & Company, 2020. P.124.